

УДК 94 (575.2)

**ПОМОЩЬ КЫРГЫЗСТАНА КАЗАХАМ
В ПЕРИОД ГОЛОДА 1932–1933 гг.**

Б.С. Сарсенбаев

Дан анализ помощи Кыргызстана казахским беженцам в период голода 1932–1933 гг.

Ключевые слова: помощь Кыргызстана; казахи; голод 1932–1933 гг.

**HELP OF KYRGYZSTAN TO KAZAKHS
DURING TIME OF HUNGER OF 1932–1933**

B.S. Sarsenbaev

It is devoted to analyses of help of Kyrgyzstan to Kazakhs during the time of hunger of 1932–1933.

Key words: help of Kyrgyzstan; Kazakhs; time of hunger of 1932–1933.

В постсоветский период у ученых-обществоведов появилась возможность изучения и публичного обсуждения ранее запретных тем советского периода истории, что связано с постепенным открытием ранее закрытых архивов и большей свободой современного общества. Одной из таких проблемных, дискуссионных и актуальных тем является история массового голода 1932–1933 гг. и его катастрофических последствий (смерть большого количества людей от голода, эпидемии различных болезней (оспа, брюшной тиф и др.), откочевка больших групп людей, многочисленные антиправительственные выступления и мн. др.), некоторые из которых ощущаются до сих пор (например, наличие многочисленной казахской диаспоры за пределами Казахстана).

Насильственная коллективизация в сочетании с уничтожением слоя зажиточных хозяйств, ежегодным изъятием государством непропорционально большого количества сельскохозяйственной продукции и слишком быстрым оседанием кочевников с переводом их на новый уклад. Непривычный для них тип хозяйства привел к массовому голоду в ряде регионов СССР (в том числе, в Казахстане и в меньшей степени Кыргызстане), о чем в советское время по политическим причинам умалчивалось.

В Казахской АССР массовый голод 1932–1933 гг. привел к значительной вынужденной эми-

грации кочевников, когда целые казахские рода и аулы бежали в соседние регионы (в Сибирь, а также Киргизскую АССР, в которой проявление голода было заметно слабее в силу ряда политических и экономических причин) и страны (в основном, в Западный Китай и Монголию). Часть из них осталась там навсегда и сформировала многочисленную казахскую диаспору, численность которой, по некоторым данным, в настоящее время превышает полтора миллиона человек [1, с. 8–9].

Вернемся к предыстории трагедии. Пятый пленум ЦК Компартии Казахстана в декабре 1929 г. постановил, что необходимым условием проведения генеральной линии партии на коллективизацию является переход кочевников к оседлому образу жизни. В данном случае коммунисты Казахстана под руководством Ф.И. Голощекина (одиозная фигура на политическом горизонте Казахстана) намного опередили союзные власти, так как указ о постоянном расселении кочевых племен на территории РСФСР был подписан только 6 сентября 1930 г. [1, с. 14].

Тогда же ЦК Компартии Казахстана постановил, что из 566 тыс. кочевых и полукочевых хозяйств к январю 1930 г. к оседлости должны быть насильственно переведены 544 тыс. [1, с. 14].

В резолюции Пятого Пленума ЦК Компартии Казахстана была записана следующая формулировка: “Всемерно... стимулировать коллек-

тивизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству”. Один из тогдашних секретарей Казкрайкома И. Курамысов говорил: “Вполне возможно, что коллективизация животноводческих хозяйств несколько сложнее, труднее, чем коллективизация зерновых хозяйств. Это ни в коей мере не означает, что мы в этом отношении помирились на меньшем темпе коллективизации, нежели это предусмотрено в отношении зернового хозяйства” [2, с. 252].

Большой урон численности казахов на территории Казахстана нанесли откочевки в голодные годы. Четвертая часть этнических казахов, т. е. примерно 1030 тыс. человек, откочевала в годы голода за пределы родной республики. Из них 616 тыс. не вернулись обратно, 414 тыс. беженцев впоследствии вернулись в Казахстан. По оценкам специалистов, из безвозвратно откочевавших около 200 тыс. человек ушли за рубеж – в Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию. В межпереписной период 1926–1939 гг. за счет мигрантов численность казахов возросла в других союзных и автономных республиках: в РСФСР – в 2,3 раза, в Узбекистане – в 1,7 раза, в Туркмении – в 6 раз, в Таджикистане – в 7 раз, в Киргизской АССР – в 10 раз [2, с. 286].

В одной из секретных докладных записок заместителя председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулова, направленной И.В. Сталину, Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову, которая датируется 9 марта 1933 г., отмечался подлинный размах трагедии массового голода: “По последним приблизительным данным, полученным с мест, прикочевавших в соседние с Казахстаном края сейчас казаков: в Средней Волге – 40 тыс. человек, Киргизии – 100 тыс. человек, Западной Сибири – 50 тыс. человек, Каракалпакии – 20 тыс., Средней Азии – 30 тыс. человек. Откочевники попали даже в такие отдаленные места, как Калмыкия, Таджикистан, Северный край и др. Часть населения во главе с баями откочевала в Западный Китай. Подобное явление откочевки казаков в сторону центральных районов происходит впервые в Казакстане. Это не просто кочевание (которое обычно происходит летом на небольшое расстояние и при наличии скота), а в значительной части бегство голодных людей в поисках пропитания. Откочевники по отдельным районам доходят до 40–50 % всего количества населения районов...”

Но самым отрицательным результатом этих откочевки и расшатывания казахских хозяйств являются голод и эпидемии среди казахского населения, начавшиеся с начала 1932 г., которые, ослабев летом, теперь вновь принимают угрожающие размеры. В прошлую весну в казахских районах и среди откочевников наблюдалась большая смертность на почве

голода и эпидемий. Это явление вновь усиливается сейчас с приближением весны. Вот ряд фактов, взятых из материалов мест и относящихся к последнему времени. Приехавшие от нескольких краев представители для участия в работах комиссии СНК РСФСР сообщают следующие факты: ... т. Туганбаев (Зам. Председателя Киргизского ЦИКа) сообщает, что в г. Фрунзе и окрестностях скопилось до 10 тыс. казахов (о чем писал в ЦК ВКП(б) и Киробком ВКП(б)) и ежедневно умирает 15–20 человек (особенно дети)” [3, л. 29–30].

По данным кыргызстанского историка-демографа, доктора исторических наук, профессора Ш.Д. Батырбаевой более 20 тыс. из числа казахских беженцев остались жить на территории современного Кыргызстана [4, с. 37].

По примерным оценкам, прямыми жертвами голода и связанных с ним болезней стали в 1932–1933 гг. 1 млн 750 тыс. человек, или 42 % всей численности казахского населения Казахской АССР. Следует отметить, что в это время произошло значительное снижение численности и других этносов Казахстана: украинцев – с 859,4 до 658,1 тыс., узбеков – с 228,2 до 103,6 тыс., уйгуров – с 62,3 до 36,6 тыс. Представители этих этносов были вынуждены покинуть республику и бежать в более благополучные в продовольственном отношении территории – Сибирь, Узбекистан [2, с. 285].

Партийное руководство Казахской АССР не предпринимало активных действий по возвращению откочевавших из-за голода в соседние регионы людей.

Исполком Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) на своем заседании 19 февраля 1933 г. рассмотрел вопрос об откочевке казахов в Среднюю Азию.

Ввиду отказа Казкрайкома ВКП(б) принять меры по организации возвращения откочевавших казахов было принято секретное решение об усилении изъятия кулаков, баев и родоправителей из среды казахских откочевников органами ГПУ, предоставления помощи и земельных наделов для оседания откочевавшим кочевникам, недопущения кочевых казахов в пограничные районы на основе разъяснительной работы (во избежание их возможного ухода из СССР). Также предписывалось организовать хозяйственное использование прибывших на территорию Средней Азии казахов на новых местах их проживания по линии оседания кочевников путем предоставления им соответствующих земельных наделов и оказания им помощи по линии использования рабочей силы в совхозах, организации транспортных артелей и т. п. [5, с. 566–567].

Равнодушное отношение казахских властей к судьбам голодающих и беженцев хорошо иллюстрирует пример из упомянутой выше докладной

записки Т. Рыскулова: "...Органы Киргизской АССР сообщают, что недавно по согласованию с уполномоченным Казахского правительства направлено было 500 детей в Аулие-Ата, но там их не приняли, несколько детей умерло, а остальных пришлось привезти обратно в г. Фрунзе" [3, л. 33].

Руководство Киргизской АССР для обеспечения продовольствием собственного населения и прибывших в республику десятков тысяч голодающих казахов сорвало план завышенных хлебопоставок в 1932 г., за что вскоре последовали суровые наказания.

Решением ЦКК ВКП(б) от 9 мая 1933 г. были освобождены от занимаемой должности с объявлением строгого выговора: О. Алиев – секретарь Киробкома ВКП(б), ведавший вопросами транспорта; Дж. Садаев – председатель Обл. КК – РКИ. Был объявлен строгий выговор по партийной линии первому секретарю Киробкома ВКП(б) А.О. Шахраю, председателю СНК Киргизской АССР Ю. Абдрахманову, уполномоченному Наркомснаба по Киргизской АССР Словацкому.

В сентябре 1933 г. ЦК ВКП(б) освободил А.О. Шахрая от обязанностей первого секретаря Киргизского обкома ВКП(б), а Ю. Абдрахманова снял с поста председателя СНК Киргизской АССР [6, с. 46].

В своем объяснении на имя заместителя председателя Президиума ЦКК ВКП(б) Ю. Абдрахманов писал: «Весной 1932 г. казахи массами прикочевали в Киргизию. Среди них началась смертность на почве голода. Это напугало многих руководителей, в т. ч. и меня.

По плану хлебозаготовок были разногласия в Средазбюро ЦК ВКП(б), так как мы считали, что нашу республику перегружают. В связи с казахскими откочевниками у нас – руководящих работников – появились сомнения насчет реальности плана. Это демобилизовало нас, и мы в начале хлебозаготовок допустили по некоторым районам юга (Джалал-Абад, Араван-Бура, Наукат) торговлю хлебом. Беседа с Шахраем и Исакеевым о том, что план трудно выполнить, я сказал: "Лучше пускай нас снимут за невыполнение плана, чем за то, что мы довели республику до положения Казахстана." Оба с этим согласились» [6, с. 47–48].

В своем дневнике 11 ноября 1932 г. Юсуп Абдрахманов отмечал: «...Бюро ОК приняло постановление о льготах кочевым и полукочевым хозяйствам. Расширительно толкуется решение СНК Союза. Это попытка задним числом исправить первоначальную ошибку. Хорошо, что исправляется, если не будет возражений со стороны Москвы...

Кстати, М. кроет меня за казахов. Что причины беженства и т. д. казахов не в том, что там "глупые"

люди – это верно, но... в другой раз напишем, что получится при иной концепции» [6, с. 188–189].

Бюро Киробкома ВКП(б) 31 декабря 1932 г. рассмотрело вопрос о массовом наплыве в пределы республики казахских беженцев и приняло решение просить Средазбюро ЦК ВКП(б) о выделении необходимого минимального количества хлеба республике для оказания помощи беспризорным казахским детям и казахским беженцам. Также было дано поручение Дж. Садаеву при его поездке в Москву информировать ЦК ВКП(б) о наплыве казахского населения на территорию Киргизской АССР, крайне бедственном их положении, массовых эпидемиях и смертности среди них. Кроме того, было решено просить Казкрайком командировать своего представителя в Киргизскую АССР для оказания практической помощи казахским беженцам и их детям [7, л. 184].

В течение 1933 г. бюро Киробкома ВКП(б) неоднократно обсуждало проблему помощи казахским откочевникам. В работе по этой ситуации активно участвовали присланные в январе 1933 г. из Казахской АССР особо уполномоченные Казкрайком и СНК Казахской АССР Курмангалиев и Избанов [8, л. 4].

В начале 1933 г. бюро Киробкома ВКП(б) общало в ЦКК ВКП(б) и Уполномоченному ЦКК ВКП(б) по Средней Азии Д.И. Манжаре: "На протяжении 1932 г. на территорию Кир. АССР из Казахской АССР перешло большое количество казахского населения. По неполным грубым и недостаточно проверенным данным количество перешедших определяется в 25–30 тыс. хозяйств" [8, л. 5].

Часть прибывшего казахского населения самостоятельно нашла работу по производственным предприятиям, строительству, совхозам и колхозам. Большая часть из числа перешедших людей находилась в чрезвычайно тяжелом экономическом положении и влачила жалкое голодное и полуголодное существование. В течение осени они питались на полях Киргизии, собирая колосья и занимаясь мелкими кражами хлеба и скота, с момента наступления холодов их положение резко ухудшилось, так как средств к существованию у большого количества перешедших не имеется.

Оказать реальную помощь казахским беженцам хлебом и другими продуктами республика не могла, так как сама имела в распоряжении крайне ограниченное количество хлеба, которого с натяжкой хватало на обеспечение всего населения.

Все это привело к тому, что к 1933 г. свыше 10 тыс. человек из числа откочевников находилось на краю гибели от голода. На этой почве среди казахов быстро распространялись эпидемии брюшного тифа и другие болезни, от голода и холода ежедневно

умирало по несколько человек, родители бросали своих детей и приносили их в республиканские организации и оставляли там. Были случаи, когда детей оставляли на улице. По городам, селам и аилам было широко распространено нищенство. Имели место кражи продуктов питания на рынках, на полях и огородах. Больницы были переполнены больными беженцами [8, л. 5].

Киробком ВКП(б) и СНК Киргизской АССР предпринимали все возможные срочные меры для облегчения тяжелого положения казахских беженцев. Из республиканского бюджета было выделено 150 тыс. рублей, на которые свыше 1,5 тыс. детей было устроено в детские дома и в специально организованные по республике приемные пункты. Принимались меры по устройству откочевников на предприятия, стройки и в колхозы. Совместно с правительственной комиссией Казахской АССР была проведена кампания по возвращению беженцев в Казахстан, на что было выделено Киргизской АССР 5 тыс. пудов хлеба, но меры, не предпринятые Казахстаном, провалили кампанию, и беженцы вернулись в Кыргызстан. На оказание помощи беженцам были использованы отпущенные союзным правительством 100 тыс. рублей, но их оказалось недостаточно для удовлетворения имевшихся потребностей [8, л. 5].

Наплыв казахских беженцев сильно повлиял на повседневную жизнь жителей Киргизской АССР. Одна из свидетельниц событий тех трагических дней Асель Курманова вспоминает: “Город Фрунзе захлестнули толпы голодающих казахов – мужчин и женщин, стариков и детей. На улицах лежало множество трупов тех, кто не перенес трудностей дороги, голода и болезней...”

Жители Фрунзе поспешили на помощь казахам, раздавали им все, что имели в наличии, хотя и их жизнь протекала в большой бедности. Но одной такой помощи явно не хватало, о чем свидетельствовала высокая смертность среди беженцев” [9].

В период наплыва казахских откочевников милиции приходилось выполнять дополнительную и несвойственную ей работу. В г. Фрунзе милиция собирала беженцев, перевозила их на подводах в лагерь для них, проводила отправку собранных беженцев на железнодорожную станцию Пишпек при назначении трудоспособных из них на работу, мобилизовывала для этого ведомственный транспорт, собирала по городу беспризорных детей беженцев. Кроме того, городские милиционеры осуществляли регистрацию и надзор за уборкой трупов людей, умерших от истощения [8, л. 23].

В секретной докладной записке руководству республики начальник Управления милиции НКВД Киргизской АССР С. Новиков сообщал о крайне

тяжелой ситуации в г. Фрунзе с казахами-откочевниками: “Ежедневно в дежурные части милиции, а особенно в Дунгановке и ниже Ташкентской улицы (3 и 5 дежурные части), поступают неоднократные жалобы на уничтожение огородов, посевов и порчу садов казахами-откочевниками, которые вырывают овощи, выкапывают картофель (были случаи выкапывания семенника), рвут колосья и незрелые фрукты. Принимать против них меры уголовного порядка не представляется возможным, т. к. эти преступления совершаются ими на почве голода. На базарных площадях продолжают, как и раньше, случаи грабежа (выхватывание продуктов из рук покупателей или продавцов).

...Вопросом сбора детей до сих пор занимались только Красный крест и деткомиссия при содействии милиции. Сбор проводился по улицам и окраинам города и охватывал только беспризорных детей или тех, которых сдавали сами родители.

Имеющиеся факты убийства детей с целью употребления в пищу диктуют необходимость немедленного выделения всех детей к передаче в детдома и детприемники. Эти учреждения, имеющиеся в г. Фрунзе, не могут в себя вместить всего количества детей, находящихся в городе. Поэтому одновременно с систематическими обходами города в целях сбора детей казахов-откочевников надо организовать добавочные приемники и детдома” [8, л. 23–25].

Бегство казахов от голода в 1932–1933 гг. было одним из этапов формирования казахской общины в Кыргызстане.

Помощь простого народа и руководства Кыргызстана (особо отметим активность и последовательность участия Ю. Абдрахманова) голодающим беженцам-казахам, которые в тяжелое для себя время нашли приют на земле Ала-Тоо, не забыты и являются одной из самых трогательных страниц в истории дружбы и добрососедства двух народов.

Из числа казахских беженцев вышло много талантливых и способных людей, посвятивших свою жизнь служению новой родине – Кыргызстану. В качестве яркого примера назовем известного кыргызстанского историка, член-корреспондента АН Киргизской ССР, профессора КГУ и доктора исторических наук Анварбека Хасанова, который большую часть своей жизни прожил в Киргизской ССР и специализировался на истории взаимоотношений кыргызов с соседними народами [10, с. 5–6].

Прибытие значительной массы казахов позволило большей их части выжить в период массового голода, а позже многим из них вернуться обратно на родину. Для Кыргызстана прием казахских беженцев был одним из факторов, которые способствовали более быстрому развитию экономики

и общества за счет увеличения числа рабочих рук, расширению этнического и культурного многообразия общества Кыргызстана.

Литература

1. Буркитбай Аяган. Пережив весь ад судьбы превратной...: казахская эмиграция / Аяган Буркитбай // Достык (Дружба). Алматы. 2011. № 3.
2. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Т. 4. Алматы: Атамұра, 2009.
3. ЦГА ПД КР. Ф.10. Оп. 1. Д. 506.
4. Батырбаева Ш. Эпоха сталинизма в Кыргызстане в человеческом измерении / Ш. Батырбаева. М.: РОССПЭН, Фонд "Президентский центр Б.Н. Ельцина", 2010.
5. Из истории депортаций. Казахстан 1930–1935 гг.: сб. документов / сост.: Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева и др. Алматы: ЛЕМ, 2012.
6. Абдрахманов Ю. 1916. Дневники. Письма к Сталину / Ю. Абдрахманов. Фрунзе: Кыргызстан, 1991.
7. ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 377.
8. ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 2. Д. 566.
9. Курманов З.К. К 80-летию великого голода. О голоде в Кыргызстане и Казахстане в 1932–33 годах, "Алаш" и других парадоксах истории / З.К. Курманов // Общественный рейтинг. 2012. 14 июня.
10. Хасанов А. Избранные труды. Очерки по истории Киргизии / А. Хасанов; сост. А. Церенова. Бишкек; М.: Ставропольская краевая типография, 2004.